

ОКЛЕНД

Вчера умерла черепаха, подаренная в 1777 году путешественником капитаном Куком вождю аборигенов острова Тонга. Ей было почти двести лет.

В столице Тонга Нуку, в садах Королевского дворца, опочило животное, именуемое Ту'ималья.

Народ Тонга считал это животное одним из своих вождей, для ухода за ним были назначены специальные смотрители. При случившемся несколько лет назад лесном пожаре оно ослепло.

Согласно сообщению Радио Тонга, скелет животного Ту'ималья будет передан Новой Зеландии для экспонирования в Оклендском музее.

Агентство Рейтер, 1966

ГЛАВА 1

Пенфилдовский генератор настроений разбудил Рика Декарда звонким, радостным всплеском электричества. Привычно удивленный неожиданным, без всяких предупреждений, возвращением из царства сна в мир реальный, Рик спрыгнул с кровати, одернул радужную, под стать своему утреннему настроению, пижаму и сладко, с хрустом потянулся. На соседней кровати его жена Айран разлепила светло-серый тоскливый глаз и тут же со стоном его захлопнула.

— Ты ставишь будильник своего «Пенфилда» на слишком низкий уровень, — сказал Рик. — Давай я немного прибавлю, тогда ты проснешься и...

— Не суйся в мои настройки. — (Рик совсем уже ожидал услышать продолжение: «Не мешай мне спокойно умереть», однако так далеко Айран не пошла.) — Я не хочу просыпаться.

Он сел на краешек ее кровати, наклонился и начал терпеливо объяснять:

— При достаточно сильном импульсе ты будешь рада, что проснулась, в том-то вся и штука. На уровне «С» он превзойдет защитный порог бессознательно-го нежелания просыпаться, вот как, скажем, у меня.

Рик добродушно — он неизменно ставил свой будильник на «Д», а потому просыпался буквально распираемый любовью ко всему окружающему, — потрепал ее по бледному, как пасмурный рассвет, плечу.

— Держи при себе свои полицейские лапы, — поморщилась Айран.

— Я не коп, — сказал Рик, в нем поднималось не предусмотренное программой раздражение.

— Ты еще во сто раз хуже, — сказала Айран, все так же не открывая глаз. — Ты — наемный убийца на подхвате у копов.

— Я в жизни не убил ни одного человека. — Его раздражение быстро переходило в прямую враждебность.

— Ну да, — саркастически усмехнулась Айран. — Только бедных андиков, а они не в счет.

— То-то ты мгновенно тратишь все мои премиальные на первую, что попадется, дребедень. А ведь можно было бы немного пооткладывать и купить вместо этой электрической подделки, что пасется у нас наверху, настоящего живого барашка. Электрический фальшак — и это притом что я год за годом вкалываю как проклятый, имею вполне пристойное жалованье плюс премиальные и все, до последнего цента, несущу в дом!

Завершив эту тираду, Рик резко встал и направился к пульту своего «Пенфилда» с намерением набрать либо подавление таламической активности (чтобы быстро приглушить его гнев), либо стимуляцию ее же (и завестись до такой степени, что появится шанс переорать эту стерву).

— Давай, давай, — сказала совсем уже проснувшаяся Айран. — Увеличивай свою склочность, и я тогда сделаю то же самое. Я выведу ее на максимум, и ты получишь такой скандальчик, перед которым все наши прежние склоки — просто нежное воркование. Набирай, набирай, а уж за мной-то не заржавеет.

Она подскочила к пульту и замерла, сверкая на Рика потемневшими от злобы глазами.

Так что теперь выбор сильно упрощался: либо безоговорочная капитуляция, либо полный, сокрушительный разгром.

— Я просто собирался набрать то, что нужно сегодня по графику, — соврал Рик и взглянул на график. Сегодня, третьего января две тысячи двадцать первого года, ему требовалось деловое, активное настроение. — Если я наберу по графику, ты сделаешь то же самое?

Наученный печальным опытом, он не спешил тыкать кнопки, не получив от нее ясного ответа, а то еще поставишь себе «деловое, активное» и тут же нарвешься на разъяренную фурию.

— Мой сегодняшний график включает шестичасовую глубокую депрессию с самотерзаниями, — сообщила Айран.

— Что? Да зачем тебе это? — Такая комбинация противоречила самой идее генератора настроений. — Вот уж не думал, что меню «Пенфилда» позволяет набрать подобную жуть.

— Я тут сидела как-то одна, — сказала Айран, — ну и включила передачу «Дружище Бастер и его Дружелюбные Друзья», и он сперва обещал рассказать

какую-то потрясающую новость, а потом вдруг пошел этот кошмарный ролик — ну, ты знаешь, про маунтибэнковские защитные штаны. Я вырубилась на время звук и вдруг услышала... ну, это... наше здание. Я услышала... — Она сделала неопределенный жест.

— Пустые квартиры, — догадался Рик.

Ночью, когда все уже спят, он тоже иногда их слышал. Но теперь ведь даже полупустой дом вроде этого котировался по шкале заселенности достаточно высоко. В пригородах — в тех районах, что до войны были пригородами, — до сих пор встречались абсолютно пустые здания — так, во всяком случае, рассказывали. Подобно большинству нормальных людей, он совсем не рвался лично проверить эти слухи.

— И в этот момент, — продолжила Айран, — когда я вырубилась звук телевизора, я была в настроении триста восемьдесят два, только что его набрала. А в результате, хотя умом я слышала пустоту, я ее не ощущала. Сперва я возблагодарила Господа, что мы можем себе позволить такую роскошь, как пенфилдовский генератор настроений, а потом вдруг осознала, насколько это нездорово и противоестественно — ощущать отсутствие жизни, и не только в нашем здании, но и везде, повсюду, и никак не отзываться на это душой, ты меня понимаешь? Скорее всего — нет. А ведь когда-то это считалось верным признаком психического расстройства — «отсутствие адекватной реакции», так это называлось. Тогда я не стала больше включать звук телевизора, подошла к своему «Пенфилду» и начала

экспериментировать. Ну и в конце концов наткнулась на комбинацию, генерирующую безысходное отчаяние. — На ее смуглом живом лице отразилось удовлетворение успешно завершённым трудом. — Теперь я включаю ее в свое расписание дважды в месяц по шесть часов кряду — думаю, это вполне разумное время, чтобы глубоко прочувствовать безнадёжность всего, что есть, — в частности, того, что мы так и торчим здесь, на Земле, когда все нормальные люди давно уже эмигрировали; ты со мной согласен?

— Вот установишь ты эту свою комбинацию и завязнешь, не захочешь из нее выходить, — сказал Рик. — Такое всеобъемлющее отчаяние имеет свойство само себя поддерживать.

— А я, — хитро улыбнулась Айран, — запрограммировала автоматическое изменение установки, сразу на три последующих часа. Четыреста восемьдесят один, осознание многогранных возможностей, открытых для тебя в будущем, новая надежда на...

— Да знаю я, что такое четыреста восемьдесят один, — перебил Рик, который уже много раз пользовался этой комбинацией и очень в нее верил. — Послушай. — Он сел на свою кровать, взял Айран за руки и усадил рядом с собой. — Любая депрессия крайне опасна, даже с автоматическим прерыванием. Так плюнь ты на свое расписание, я плюну на свое, мы с тобой оба наберем сто четыре, испытаем его в полной мере, а потом ты останешься в нем еще на какое-то время, а я перестроюсь на «деловое, активное», схожу на крышу проверить, как там наш

баран, и поеду на службу, не опасаясь, что ты тут куксишься перед выключенным телевизором.

Он выпустил ее длинные, изящные пальцы, перешел из просторной спальни в еще более просторную гостиную, где стоял запах последних вчерашних сигарет, и протянул руку к телевизору.

— Терпеть не могу телевизор до завтрака, — сообщила Айран; она так и осталась сидеть на его кровати.

— Набери восемьсот восемьдесят восемь, — сказал Рик, наблюдая, как прогревается трубка. — Желание смотреть телевизор вне зависимости от программы.

— Ничего я не хочу набирать, — сказала Айран.

— Тогда набери тройку.

— Я не могу набрать комбинацию, которая заставит меня хотеть набрать другие комбинации. Если уж я вообще ничего не хочу набирать, то уж эту-то комбинацию и тем более, потому что тогда я захочу набирать, а желание набирать представляется мне сейчас чем-то отвратительным. Я хочу просто сидеть здесь, на кровати, и смотреть в пол.

С каждым словом голос Айран звучал все глуше и безнадежнее; казалось, что ее душа необратимо каменеет, окутывается пеленой абсолютной инерции.

Рик включил звук телевизора, и квартиру до краев наполнили звуки наглого, приторно панибратского голоса.

— ...Хе-хе, ребята, — грохотал Дружище Бастер, — самое время кратенько рассказать вам про сегодняшнюю погоду. По сведениям с метеороло-

гического спутника «Мангуст», к полудню осадки достигнут максимума, а затем начнут помаленьку убывать, так что тем из вас, кто захочет высунуть на улицу нос или там что-нибудь другое...

Дальше Рик не слышал — к нему подошла бес-предельно унылая фигура в волочащейся по полу ночной рубашке и выключила телевизор.

— Ну ладно, — горько вздохнула Айран, — сдаюсь. Я наберу все, что ты хочешь, пусть даже экзотическое сексуальное блаженство, — я чувствую себя так хреново, что даже и это выдержу. Хуже не будет, потому что хуже уже некуда.

— Я сам наберу для нас обоих.

Рик приобнял жену за плечи и препроводил ее назад, в спальню. Здесь он набрал на ее пульте 594 — охотное приятие превосходящей мудрости мужа во всех возможных вопросах, а на своем — творческий, изобретательный подход к работе, хотя в последнем и не было особой необходимости: он и сам, без всякой искусственной стимуляции, подходил к работе именно таким образом.

Торопливо позавтракав — нужно было наверстывать время, бездарно угробленное на препирания с женой, — в полной экипировке для высовывания на улицу (включавшей, естественно, и просвинцованные штаны «Аякс» фирмы «Маунтибэнк»), Рик поднялся на крышу (крытую, естественно, крышу), где мирно пасся его электрический барашек — хитроумный механизм, щипавший траву с таким натуральным удовольствием, что никто из соседей не догадывался о его истинной природе.

Можно не сомневаться, что некоторые из их животных тоже являлись электронными фальшивками, но Рик никогда не пытался разобраться в этом поподробнее, равно как и соседи никогда не проявляли излишне въедливого интереса к его барану — это противоречило бы общепринятым нормам поведения. Спросить: «А ваш баран, он настоящий или электрический?» — было бы бестактностью много худшей, чем если бы вы спросили человека, пройдут ли его зубы, волосы и внутренние органы тест на аутентичность.

Рик окунулся в тошнотворно-бурые волны утреннего, сплошь пронизанного радиоактивной пылью воздуха, который превращал солнце в тусклый медный пятак и все время раздражал носоглотку характерным металлическим запахом, вынуждая произвольно принюхиваться к этому «аромату смерти». Нет, «аромат смерти» — это слишком уж сильно сказано, решил он, спеша к участку земли, который достался ему в комплекте с чрезмерно просторной квартирой. В эти дни последствия Финальной Всеобщей Войны уже утратили свою изначальную драматичность, стали чем-то будничным. Те, кто не мог устоять перед радиацией, давно отошли в мир иной, так что в последние годы заметно ослабевшая пыль, которой противостояли выжившие — то есть самые крепкие — из людей, только медленно подтачивала им разум и наследственный аппарат. Рик не захотел эмигрировать, и теперь, несмотря на все предосторожности, пыль день ото дня оседала в нем все новыми и новыми порциями смертоносной грязи. Пока что ежемесячные медицинские

обследования неизменно подтверждали его статус нормала, человека, имеющего законное право производить потомство, однако каждый раз возникала пугающая возможность, что медицинская комиссия Сан-Францисского полицейского управления вынесет противоположный вердикт, — всепроникающая пыль непрерывно превращала бывших нормалов в аномалов (но, к сожалению, не наоборот). «Эмигрируй или деградируй! Думай сам, что лучше!» — кричали телевизионные ролики, уличные щиты и правительственные листовки, ежедневно опускавшиеся в каждый почтовый ящик. «Весьма разумно, — думал Рик, отпирая калитку своего миниатюрного овечьего загона». Только вот я не могу эмигрировать. Из-за моей работы».

И тут его окликнул Билл Барбур, хозяин соседнего пастбища и сосед по дому; как и сам Рик, Билл вообще-то шел на работу и забежал сюда на пару секунд, проверить свое животное.

— Моя кобылка забрюхатела! — Он гордо указал на крупную, философического вида першеронку. — Ну что вы на это скажете?

— Скажу, что скоро у вас будет пара першеронов.

Рик уже подошел к своему барану, который лежал на траве, задумчиво пережевывая жвачку, и внимательно следил за руками хозяина — не принес ли тот ему горстку овсяных хлопьев. В программу данного конкретного экземпляра была заложена страстная любовь ко всяческим зерновым хлопьям; завидев такое лакомство, электробаран непременно вскочил бы на ноги и поскакал бы (весьма убедительно) навстречу Рику.